

«У НАС К ВАМ БОЛЬШАЯ ПРОСЬБА»

ТАТЬЯНУ КОНЮХОВУ я встретила в репетиционной комнате. В Театре-студии киноактера готовили новый спектакль по Лопе де Вега.

Популярная героиня десятка кинофильмов на сей раз выступала в комедии «Плща и шпаги». Здесь были камзолы и каблуки, кувшины и кастаньеты. А героиня звалась Финей.

Почти невозможно описать, что выделяла Татьяна Конюхова. В-первых, она белая. Во-вторых, танцевала. В-третьих, четвертых и пятых, она ни минуты не была спокойна — прищелкивала, покачивалась, подпевала. А в-шестых, она играла. И играла очень любопытную человеческую тему. Да, эта совершенно неожиданная, новая, эксцентричная, поющая и танцующая Конюхова играла тему человеческой искренности, тему доброго и прекрасного человека, открытого людям. Тему человека, преображенного любовью.

Там, на перепутье между репетициями и спектаклем, состоялась моя встреча с заслуженной артисткой РСФСР Татьяной Конюховой.

Оказалось, что мы знали друг друга очень давно, хотя и никогда не встречались. Знали по телефону.

Снимаешь трубку, набираешь номер, спрашиваешь:

— Можно Татьяну Георгиевну?

— Да, это я.

— Вы знаете, у нас к вам есть большая просьба...

(Кто-то, где-то однажды сказал: «Хорошо пишет Таня Конюхова»...).

Помню, первый раз я позвонила ей и попросила написать об одной актрисе. Сначала она, естественно, сказала мне, что она занята и что я, собственно, застала ее случайно — по идее, она сейчас должна быть в экспедиции, совсем в другом горо-

де, но вот задержалась на один-два дня. А потом она долго рассказывала мне о той актрисе, о которой нужно было написать: как она давно ее знает и любит, и следит за ее работами, и что об этом можно рассказать очень любопытно, но... Но времени нет. И что очень бы хорошо попробовать, но если бы в другой раз, то, конечно, она бы с удовольствием...

Устало кладешь трубку, тяжело вздыхаешь и опять берешься за справочник Союза кинематографистов.

Однако же на другой день раздается неожиданный телефонный звонок:

— Редакция?

— Да.

— Это говорит Конюхова. Мне вчера звонили от вас и просили написать. Так вот я попробовала что-то сочинить... Только это от руки, на листочках. И здесь зачеркнуто-перечеркнуто. И я абсолютно не знаю, как вы там разберетесь...

На другой день в моих руках оказывается небольшой конвертик. Я разворачиваю листочки, «все зачеркнутое-перечеркнутое», вижу, что написано на обеих сторонах и, кажется, что-то очень любопытное, — пробежав глазами, понимаю это сразу.

Потом не один раз ко мне в руки попадали такие же примерно листочки. В машинписном бюро отнюдь не радовались их появлению. Зато на страницах газеты появлялись зарисовки, очень свежие и неожиданно написанные. Татьяна Конюхова писала об актерах, своих друзьях, писала так, как, наверное, никогда не смог бы написать критик: это был взгляд «изнутри», взгляд заинтересованный, острый, дружеский.

Чувствовалось, ей действительно интересно следить за своим то-

варищем по цеху, просто-напросто человечески любопытно, как это у него там все получается или не получается. И почему вдруг человек, которого знаешь, казалось бы, вдоль и поперек, делает такое неожиданное «сальто» в искусстве. Почему? Зачем? Что из этого выйдет?

Признаться, я не удивилась, когда узнала, что Татьяна Конюхова была председателем цехкома у актеров кино, а сейчас — член ЦК профсоюза работников культуры.

В ней всегда чувствуется не просто вкус к письму, к слову, но знание жизни, людей, стремление и умение осмысливать происходящее вокруг.

Она начинала в кино озорной, бодовой девчонкой. Одна из самых любимых — Соня в «Разных судьбах» Леонида Лукова. Потом было много других. «Вольница», «Первые радости» и «Необыкновенное лето», «Карьера Димы Горина», «Время летних отпусков». Она стремилась «выпрыгнуть» из ампулы — хотела играть женщин с драматической судьбой. На телевидении один за другим прощали ее спектакли — «Вашингтонская история», «Корни», «Солнце на стене». Это была уже совсем другая Конюхова. Сейчас она мысленно выстраивает для себя роль простой русской женщины, прошедшей войну и находящей в себе силы начать жизнь заново.

Она играет на сцене.

— Если бы вы знали, что такое для меня сегодня театр, сценическая площадка, эти выматывающие абсолютно все силы репетиции, пластика, костюм, речь! Наконец, этот зал и будущая публика, эти живые глаза... Все то, чего напрочь лишен в работе актер кино...

На этом моменте актрису вызывают на репетицию...

Когда-нибудь, однако, можно будет снова снять телефонную трубку:

— Татьяна Георгиевна?

— Да, это я.

— Говорят из редакции. У нас к вам большая просьба. Помните, мы с вами говорили о том, как актеру кино необходим театр...

Б. ИВАНОВА,

Соб. из журналов, 1970, 3 ноябрь